

СТРУКТУРНО-ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ПАРАДИГМА И ПРОБЛЕМА КРИЗИСА ВЛАСТИ

В статье указывается на отсутствие единства в понимании кризиса государственного учреждения и предлагается определение этого понятия с позиций структурно-функциональной парадигмы. Обосновывается отнесение внутреннего (системного) кризиса государственного учреждения к классу квазизакономерностей исторического процесса.

На сегодняшний день в науке нет единого взгляда на содержание понятия «кризис государственной власти». Ученые выявляют различные отрицательные характеристики функционирования государственной власти, а обобщают их одним и тем же словом «кризис». Такой подход не является оптимальным. Одним из способов решения данного вопроса является обращение к парадигмальным основам исследований и установление единого подхода к кризису власти на этом глубинном уровне.

Ушли те времена, когда теория общественного развития официально была одна и обсуждению со стороны ученого не подлежала. Сегодня в этой сфере провозглашен плюрализм, монополия какой-либо одной парадигмы на истинность в последней инстанции отвергается [1, с. 3-5]. Как отмечал Р.К. Мертон, разнообразие и плюрализм подходов в научной дисциплине обычно являются главным источником развития этой дисциплины [цит. по: 2, с. 7]. Это, однако, не означает апологии эклектики. Плюрализм в данном случае есть возможность выбора, который сделать необходимо. Образно говоря, сидеть по-прежнему надо только на одном стуле, однако он в комнате уже не один, и поэтому можно и нужно предварительно выбрать, на каком исследователю будет удобнее – при решении именно этой, а не иной задачи.

Парадигмы понимаются как инструментарий исследователя, а выбор инструмента существенным образом связан с целью его применения. Так рыбак, в зависимости от того, какую рыбу он собирается ловить и где именно, выбирает себе удочку, садок или сеть. Точно так же будут подбирать себе «удобную» парадигму исследователи социальных групп, менталитета, государственных учреждений и др.

Чтобы сделать выбор, воспользуемся типологией парадигм, предложенной И.В. Побережниковым [3, с. 72-92]. На наш взгляд, она весьма удачна, поскольку охватывает все множество теорий исторического процесса, группируя их по наиболее концептуальным различиям в интерпретации социальных изменений. Конкретно предложена следующая классификация: эволюционистская парадигма, циклическая парадигма, «равновесная» парадигма, конфликтологическая парадигма. Первые две теоретические конструкции делают упор на интерпретацию вектора развития социума, вторые две – на механизм этого развития. Поскольку кризис власти непосредственно связан с механизмом ее работы (способом принятия и реализации решений), нас будет интересовать именно последняя группа парадигм. Вкратце охарактеризуем их сущностное содержание, опираясь на выводы И.В. Побережникова.

В рамках «равновесной» парадигмы (структурно-функциональный анализ) динамика рассматривается как фактор, обеспечивающий сохранение порядка, равновесия. Существенное внимание уделяется объяснению функций, которые должны выполняться, чтобы стабильность системы или ее подсистем не подверглась деструкции. К числу ключевых концептов и категорий подхода можно отнести такие, как структура, функция, равновесие, среда, обратная связь. Крупнейший представитель функционализма Т. Парсонс сформулировал понятие «гомеостатического равновесия». Как только один из институтов провоцирует изменение, это вызывает цепную реакцию перемен в прочих институтах, чтобы сохранить гомеостазис. Таким образом, система в рамках «равновесной» парадигмы не является статичной (достаточно распространенный в

литературе упрек), неизменной целостностью; напротив, институты, ее составляющие, постоянно меняются и приспосабливаются друг к другу [3, с. 84-85]. Привлекает то, что данный подход имеет аналогии в синергетике, которая указывает на процессы самоорганизации в сильно нелинейных открытых системах. Общество, бесспорно, относится именно к таким системам.

Конфликтологическая парадигма акцентирует внимание не на стабильности, порядке, а на противоречиях, конфликтах, которые, как считается, имеют повсеместный характер [3, с. 86]. Таким образом, для представителей «равновесного» и конфликтологического подходов важными представляются различные стороны реальности: для первых – это инвариантность, организованность, стабильность; для вторых – динамизм, изменчивость. Однако в отличие от «равновесной» парадигмы, которая является настолько цельной, что не породила среди своих приверженцев сколько-нибудь принципиальных конфликтов (скорее, создан ряд параллельных теорий, оперирующих аналогичным понятийным аппаратом), в рамках конфликтологической парадигмы между ее представителями существует целый ряд серьезных расхождений. Ведь к данной парадигме относится, например, и классовый подход с его дихотомией «эксплуатируемые – эксплуататоры», и концепция Л. Козера и Р. Дарендорфа о неизбежности множественных конфликтов по поводу контроля над определенными ресурсами и распределением авторитета в обществе, и др. Иными словами, конфликтологическая парадигма представляет собой пласт таких теорий исторического процесса, которые, признавая абстрактный конфликт ведущим фактором развития общества, вступают между собой в непримиримое противоречие при конкретизации этого конфликта.

Как видно из этого обзора, каждая парадигма наделяет реальность неповторимыми чертами, которые и рассматривает в качестве определяющих для развития человеческого общества. Следует полностью согласиться с И.В. Побережниковым в том, что ни одна из четырех представленных выше

парадигм не может считаться всеобъемлющей, хотя все они и претендуют на универсальность. При изучении истории социума в целом они взаимодополняют друг друга [3, с. 88]. Если же речь идет о какой-либо конкретной стороне развития социума, например, о функционировании властной вертикали, как в нашем случае, важно правильно определить сферу применения той или иной парадигмы, чтобы отдача от нее, то есть приращение нового знания, была максимальной.

На наш взгляд, при рассмотрении вопросов функционирования государственного учреждения или системы учреждений наиболее адекватной поставленной цели является «равновесная», структурно-функциональная парадигма, в рамках которой признается способность определенных систем к самоорганизации по принципу равновесия. Ключевые понятия в рамках изучения государственного аппарата (внутренняя организация, направление деятельности, функции, структура и проч.) логичнее всего встраиваются именно в «равновесную» парадигму. И это не случайно. «Равновесная» парадигма позволяет поместить в фокус внимания исследователя именно организацию как таковую, изучить внутренние закономерности ее развития в их конкретных проявлениях, посмотреть, как они коррелировались с внешней по отношению к организации средой. Важно, что «равновесная» парадигма позволяет интерпретировать эту внешнюю среду с точки зрения самых разных подходов – и классового, и цивилизационного, и модернизационного, и др. В этом смысле она плюралистична, она признает, что внешнюю среду можно описывать с разных точек зрения, представлять в разных плоскостях, которые, не совпадая между собой, будут все же равноправными продуктами сущностного анализа. Таким образом, «равновесная» парадигма оставляет место другим парадигмам для объяснения нюансов влияния среды на организацию, подчеркивая при этом, что у каждой организации есть свои закономерности развития, в реализации которых среда участвует, но не определяет их сущность.

В рамках «равновесной» парадигмы существует ряд конкретных теорий. Оставим

в стороне те из них, которые разрабатывались для нужд конкретных разделов социологии. Мы будем опираться на так называемую «тектологию», или всеобщую организационную науку, созданную в начале XX века нашим соотечественником А.А. Богдановым (Малиновским). Она не только предвосхитила многие инновации таких видных представителей научной мысли XX века, как Т. Парсонс, Н. Смелзер, Я. Зеленецкий и др., но и в определенном отношении пошла дальше, сформулировав наиболее важные закономерности развития организованного комплекса любой природы.

Несмотря на то, что в силу ряда объективных и субъективных причин тектология в нашей стране на долгое время оказалась забытой [4], ее основные идеи получили признание в серьезных междисциплинарных научных направлениях XX-XXI вв. – синергетике, кибернетике, функционализме. При этом указанные направления не «закрыли» организационную науку, а лишь встали в один ряд с ней. Более того, на наш взгляд, тектология по широте охваченных ею объектов является до сих пор одной из наиболее глобальных теорий системного анализа.

Применение тектологии к изучению конкретных объектов, в силу большой абстрактности последней, представляет известную сложность. Начиная с 1980-х гг. ее применением на практике стали заниматься отечественные экономисты, свидетельством чего и стала публикация фундаментального труда А.А. Богданова в академическом издательстве «Экономика» [5; 6]. В 1990-х гг. академик Н.Н. Моисеев использовал положения теории в анализе развития нашей страны в XX-XXI вв. [7]. С 2000 года в нашей стране работает Международный институт Александра Богданова (Екатеринбург).

С позиций тектологии государственное учреждение есть комплекс организованного типа, состоящий из сотрудников и их группировок, поставленных перед необходимостью решать те или иные задачи государственного управления [5, 114]. Организованность обеспечивается наличием между сотрудниками учреждения цепной связи (ингрессии) [5, 156-161]. Именно ингрессия обеспечивает то,

что разные мотивы людей работать сотрудниками государственного учреждения связываются воедино и заставляют их объективно работать на решение задач данного учреждения. Разнь интересов сотрудников способствует дезорганизации государственного учреждения. Сотрудники есть ингрессивно-связанные комплексы. Они подвергаются меняющимся воздействиям со стороны окружающего мира. Если эти воздействия недостаточны для того, чтобы в практически уловимой мере изменить их связку, то ингрессия остается в прежнем виде. Но изменения накапливаются, и с определенного момента они способны преобразовать или разрушить связку, а с ней и все государственное учреждение [5, 184-185]. Например, вследствие этих изменений ингрессия может связать сотрудников государственного учреждения не целью решить поставленную перед государственным учреждением задачу, а целью обогатиться. Тогда это будет уже псевдогосударственное учреждение (по форме – государственное учреждение, а по существу – коммерческое объединение).

Государственное учреждение не существует изолированно, поэтому по отношению к нему действует со стороны среды (внешнего мира) механизм подбора [5, 194-195; 6, 158]. Объектом подбора являются сотрудники и связи между ними. Фактором подбора является среда [6, 152], а именно, применительно к государственному учреждению: 1) сложность решения поставленной перед государственным учреждением задачи в конкретно-исторической обстановке; 2) личные интересы и потребности сотрудников. Подбор может быть как положительным, так и отрицательным. Длительное действие любого вида подбора опасно для государственного учреждения. Для нормального функционирования учреждение нуждается в периодической смене знака подбора.

Под влиянием подбора государственное учреждение постоянно находится в процессе преобразования, целью которого является сохранение в данной среде, то есть сохранение равновесия со средой [1, 248-249]. Существовая в изменчивой среде и не разрушаясь, государственное учреждение как орга-

низованный комплекс изменяется в сторону наиболее устойчивых соотношений, так как менее устойчивые отрицательным подбором постепенно отменяются, а более устойчивые положительным подбором закрепляются. В то же время развитие отдельных частей учреждения идет путем расхождения, или системной дифференциации [6, 13-14, 258-259]. Различия между элементами возрастают. Речь идет о таких различиях, которые развиваются по пути дополнительных соотношений (асимметричная ингрессия) [6, 23-24]. Они только повышают связность и устойчивость государственного учреждения, его прочность под внешними воздействиями, то есть его организованность. Фаза системного расхождения несет в себе не только дополнительные условия устойчивости организации, но и системные противоречия [6, 24]. На определенной ступени расхождение перевешивает силу дополнительных связей и приводит к разрыву этих связей. Накопление противоречий в ходе фазы системного расхождения (дифференциации) ведет государственное учреждение либо к разрушению, либо к новой фазе – системной консолидации (контрдифференциации) [6, 40-44, 259-260].

В случае отсутствия должного сопротивления среде государственное учреждение переходит в фазу кризиса. Под кризисом понимается смена организационной формы [6, 208-209]. Следовательно, говорить о кризисе имеет смысл только после того, как исследовательским анализом намечена определенная организационная форма. Одни и те же явления можно рассматривать и как фазы, не меняющие организационной формы учреждения, и как ее кризисы [6, 210].

Исходя из того понимания государственного учреждения, которое было изложено выше, под кризисом государственного учреждения надо понимать кардинальное изменение ингрессии, которое уже не позволяет решать поставленные перед учреждением задачи государственного управления. Иными словами, это процесс перехода организации от одного равновесия со средой к новому равновесию [6, 218], которое в предельном его варианте можно обозначить как псевдогосударственное учреждение, то есть

такое учреждение, которое формально работает на достижение государственных интересов, а реально – на достижение каких-то иных целей. В ходе этого кризиса сотрудники либо остаются в рамках прежнего государственного учреждения, но в иных уже связях и отношениях, либо совсем из учреждения устраняются.

Кризис государственного учреждения может развиваться в разных вариантах. Взрывной тип кризиса возможен, когда учреждение находилось в ложном равновесии, то есть те процессы, которые в период кризиса протекают в форме взрыва, шли и до него, но так медленно, что не улавливались обычными способами наблюдения [6, 228-229]. Например, коррумпированный чиновник при определенных условиях (выраженном отрицательном подборе) может сыграть роль катализатора: он толкает к коррупции сотрудников в смежных частях системы, те, в свою очередь, – других сотрудников и т. д. Когда освобождаемая в ходе кризиса сила несравнимо превосходит энергию первоначального толчка, то и наблюдается «взрыв» – независимость размеров кризиса от вызвавшего его агента.

Замирающий тип кризиса также возможен – его содержание сводится к тому, что сначала реакция идет в одну сторону, но со временем усиливается противоположный процесс, который, сталкиваясь с первым, дает его видимое прогрессивное замедление [6, 230-231]. Так дело идет, пока оба процесса не уравновесят и парализуют друг друга. В государственном учреждении возникает новое равновесное состояние. Например, в условиях выраженного положительного подбора коррупционер сначала вызывает коррупцию в смежных частях системы, но основную массу сотрудников учреждения это не устраивает, поскольку потенциальные результаты в виде незаконных личных выгод не превосходят реальных негативных последствий нарушения закона.

При смене знака подбора лавинный и замирающий типы кризисов государственного учреждения могут сменять друг друга.

Так выглядит концептуальная схема развития государственного учреждения с пози-

ций тектологии. Наглядно она представлена на *рис. 1*.

Важно заметить, что изложенная концепция сосредоточивает большое внимание на внутренних структурных изменениях государственного учреждения. Это особенно необходимо при изучении таких властных структур, которые в исследуемый промежуток времени не подвергались серьезному реформированию. Таковы, например, были губернские администрации Российской империи в позднеимперский период. Используя тектологию, исследователь имеет возможность сосредоточиться на том накоплении напряженности и деформаций, дисфункций внутри внешне статичной системы, которое и обуславливает движение организации в поисках нового равновесного состояния. Это чрезвычайно важно, поскольку от характера этой динамики, от того, в какой конкретно организационной фазе находилось изучаемое учреждение и какой путь эволюции был избран системой, напрямую зависела его эффективность.

Итак, с нашей точки зрения, оптимальной парадигмой исследования функционирования государственных учреждений, обладающей наибольшим эвристическим потенциалом при разработке проблемы кризиса власти, является так называемая «равновесная», структурно-функциональная парадигма. Указанная парадигма, конкретизированная с помощью тектологической теории,

дает ясное понимание того, на какие моменты следует обратить первоочередное и наиболее пристальное внимание при изучении основных аспектов функционирования государственных учреждений. А это и требуется от парадигмы прежде всего.

В рамках структурно-функциональной парадигмы подход к созданию модели кризиса государственного учреждения связан с определением основных условий, благоприятствующих его наступлению. Эти условия заложены во внешней по отношению к изучаемому объекту среде (в подборе среды и обусловленным им поведением государственного учреждения).

С позиций тектологии только систематическая смена направления подбора способна обеспечить устойчивое прогрессивное развитие государственного учреждения, не допустить его кризиса. Именно длительное преобладание одного вида селекции над другим ведет к кризису государственного учреждения – либо через паразитизм, либо через истощение сотрудников [8].

Зная условия, способствующие наступлению кризиса государственного учреждения, можно ретроспективно оценить, в какие исторические периоды его наступление было наиболее вероятным. В отличие от причин, потенциальное разнообразие которых лишает исследователя возможности их учета в многофакторной модели, установление наличия или отсутствия названных условий представляется реально достижимым.

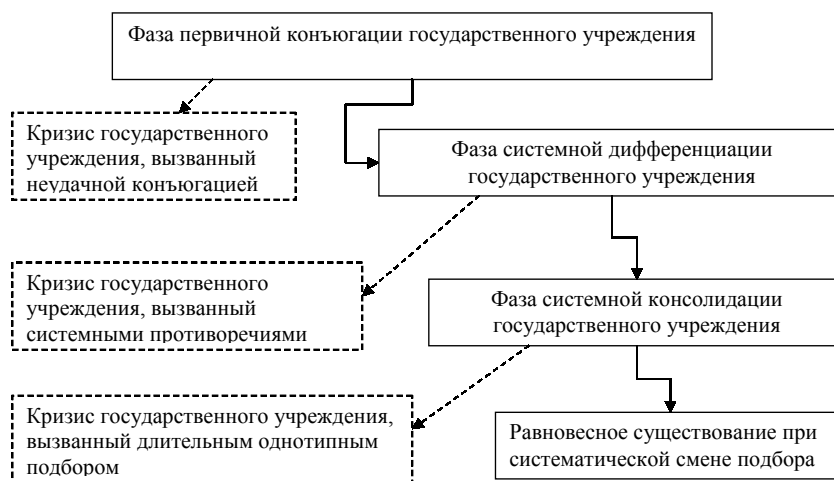

Рисунок 1. Основные фазы развития государственного учреждения с позиций тектологии

Что же представляет собой кризис государственного учреждения как явление объективного мира? Наше видение этой проблемы таково. В рамках синергетического подхода, который является ведущей парадигмой методологической культуры современности, общество необходимо рассматривать как сильно нелинейную открытую систему, состоящую из большого числа элементов, связи между которыми носят не жесткий, а вероятностный характер. Нелинейность порождает дискретность путей эволюции систем, причем в данной нелинейной среде возможен отнюдь не любой путь эволюции, а лишь их строго определенный спектр. Учитывая это фундаментальное положение, исторический процесс необходимо рассматривать как реализацию одной из набора строго определенных альтернатив путей эволюции человеческого общества [9]. Для науки важную роль играет выявление и изучение закономерностей социального развития (объективно существующих, повторяющихся, существенных связей явлений общественной жизни), которые обязательно должны формулироваться по следующей логической схеме: если выполняется данный комплекс условий, то будет то-то.

Закономерности как таковые всегда касаются сущего, это существенные связи явлений. Однако любая действительность, будь она природная или социальная, порождает и содержит в себе систему реальных возможностей развития, которые переходят в действительность лишь при наличии строго определенных условий. Существует целый ряд реальных возможностей, которые могут становиться действительностью на линии исторического развития лишь время от времени, но являются при этом всегда потенциально существующими. Подчеркиваем: речь идет не об абстрактных, а о реальных возможностях. Они порождены самой сущностью объекта. Как не может объект лишиться своей сущности (если такое происходит, то он становится другим объектом), так не может он лишиться и определенных своих возможностей, которые составляют неотъемлемую сторону его сущности.

Законы и закономерности относятся к той стороне сущности объекта, которая про-

является всегда. Они не относятся к возможному. Поэтому имеет смысл выделенный тип связей и отношений назвать квазизакономерностями развития познаваемого объекта (quasi, лат. – как бы). Они должны формулироваться по следующей логической схеме: если сущность объекта такова, то постоянно и жестко заданно существуют такие-то реальные возможности его развития. Речь идет о том, что реальная возможность наступления соответствующих изменений существует с необходимостью, а вот ее переход в действительность только вероятностен, обусловлен действием определенных, внешних по отношению к сущности объекта, факторов.

Безусловно, к таким объектам относится и общество. Таким образом, понятие «квазизакономерность исторического развития общества» («квазизакономерность исторического процесса») можно определить как объективно существующую, жестко заданную реальную возможность развития, неотъемлемо принадлежащую обществу на определенном промежутке времени, независимо от изменяющихся обстоятельств и модификаций его поведения в этих обстоятельствах [10]. *Одной из таких квазизакономерностей, на наш взгляд, является возможность развития кризиса государственного учреждения* (в том его понимании, какое изложено выше).

Возможность такого кризиса всегда присутствует в любом государстве, ибо всегда аппарат государственного управления состоит из людей. Иными словами, данная квазизакономерность исторического процесса генетически заложена в механизме государства. Чтобы эта возможность оставалась только в потенции, необходима систематическая специальная деятельность. Сознвая этот факт, легче понять практическую значимость введения в методологию науки понятия «квазизакономерность исторического процесса» вообще. Она состоит в выявлении факторов, существенным образом постоянно влияющих на поведение объекта. Безусловно, знание о том, какие реальные возможности развития объекта не могут быть уничтожены или изменены без уничтожения или замены самого объекта, позволяет принять

ряд принципиальных решений: стоит ли сохранять систему или же риск ее развития в ненужном направлении слишком велик, какого рода меры предосторожности против возможного нежелательного развития объекта следует предусмотреть и т. д., и т. п.

Все вышеизложенное позволяет сделать вывод о правомерности введения в методологию науки понятия «квазизакономерность исторического процесса» и о необходимости причисления возможности развития кризиса государственного учреждения к указанному классу связей и отношений.

Понятие «кризис» уже многократно применялось к государственным учреждениям в научной литературе и зачастую рассматривалось как частный случай социально-экономического и политического кризиса. Такой подход, безусловно, правомерен. Тем не менее, предложенная в данной статье интерпретация кризиса государственного учреждения, на

наш взгляд, является также корректной альтернативной моделью, способной существенно дополнить имеющиеся подходы. В самом деле, наивно считать, что аппарат государственного управления подчиняется, например, только законам классовой борьбы, а специфических законов развития не имеет. Учитывая это, мы считаем целесообразным отделить одни кризисы от других и предлагаем присвоить описанному в статье кризису определение «системный» или «внутренний». Словосочетание «системный кризис» будет указывать на то, что кризис заложен именно в самой организации государственного учреждения как системы людей-сотрудников. Словосочетание «внутренний кризис» будет означать, что подобный кризис является генетической особенностью именно аппарата государственного управления как уникального объекта исследования и порождается личными интересами его сотрудников.

Список использованной литературы:

1. Ковальченко, И.Д. Теоретико-методологические проблемы исторических исследований. Заметки и размышления о новых подходах [Текст] / И.Д. Ковальченко // Новая и новейшая история. – 1995. – №1. – С. 3-33.
2. Блау, П.М. Различные точки зрения на социальную структуру и их общий знаменатель [Текст] / П.М. Блау // Американская социологическая мысль: Тексты. – М.: Издание Международного Университета Бизнеса и Управления, 1996. – С.7-29.
3. Побережников, И.В. Социальное изменение в теоретических проекциях [Текст] / И.В. Побережников // Уральский исторический вестник. №7: Историческая наука на рубеже II и III тысячелетий: итоги и перспективы. – Екатеринбург: Академкнига, 2001. – С. 57-92.
4. Богданов, А.А. Тектология. Всеобщая организационная наука. Ч. 1 и 2, заново перераб. и доп., и ч. 3 [Текст] / А.А. Богданов. – Пг.-М.-Берлин: Изд-во З.И. Гржебина, 1922. – 531с.
5. Богданов, А.А. Тектология: (Всеобщая организационная наука). В 2-х кн.: Кн. 1 [Текст] / А.А. Богданов. – М.: Экономика, 1989. – 304 с.
6. Богданов, А.А. Тектология: (Всеобщая организационная наука). В 2-х кн.: Кн. 2 [Текст] / А.А. Богданов. – М.: Экономика, 1989. – 351 с.
7. Моисеев, Н. Девяностые годы. Взгляд и вопросы на рубеже веков [Текст] / Н. Моисеев // Наука и жизнь. – 1998. – 10. – С. 3–9.
8. Любичанковский, С.В. Развитие государственного учреждения с позиций теории организации А.А. Богданова [Текст] / С.В. Любичанковский // Credo new: Теоретический журнал. – 2006. – №1. – С. 227-240.
9. Любичанковский, С.В. Системный кризис государственного аппарата – квазизакономерность исторического процесса [Текст] / С.В. Любичанковский // Синергетика в современном мире: Сб. докл. Международной научной конф. – Белгород: Изд-во БелГТАСМ, 2000. – С. 221 – 225.
10. Любичанковский, С.В. Правомерность введения в методологию науки понятия «квазизакономерность исторического процесса» [Текст] / С.В. Любичанковский // Человек и общество. Материалы международной научно-практической конференции. Часть 1. – Оренбург: Изд-во ОГУ, 2001. – С. 94-96.

*Работа выполнена при поддержке гранта Президента Российской Федерации
МК-200.2007.6*